“НЕВИДИМАЯ РУКА” ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Новокрещёнов Александр Васильевич — кандидат социологических наук, доцент, руководитель Регионального информационно-аналитического центра Сибирской академии государственной службы

В Новосибирске, как, впрочем, и по всей стране, в выборах участвует меньшинство избирателей. Например, на выборах городского совета депутатов в декабре 2000 г. голосовали 23% избирателей. Только со второй попытки в марте 2001 г. удалось сформировать представительную власть города. Но и на этот раз голосовало всего 37%, то есть почти 2/3 избирателей выборы проигнорировали вновь. Активность населения повышалась всеми мыслимыми и немыслимыми средствами. Всемерно задействовался так называемый административный ресурс города и области.

Выборы стали своеобразной индустрией, в них заняты тысячи, а может даже десятки тысяч человек: постоянно действующие избирательные комиссии, средства массовой информации, всевозможные центры и институты, разрабатывающие технологии управления электоральным поведением,

проводящие социологические опросы. Здесь “крутятся” огромные деньги, "официальные" и идущие “черным налом”. Создается впечатление, что избрать можно любого человека на любой пост. Для этого нужна лишь хорошая профессиональная команда и, конечно, деньги, много денег. Но действительно ли любой человек может

быть избран на любой пост? Действительно ли люди или как их в этом случае называют электорат — это та инертная масса, тот “пластилин”, из которого можно вылепить все что угодно? Есть ли ограничения в процессе управления электоральным поведением?

С точки зрения синергетического подхода любая система имеет “механизм” самозащиты, сохранения своей стабильности и целостности. Есть ли такой механизм у местного сообщества, оказавшегося в ситуации альтернативных выборов органов власти? Безусловно, демократический метод формирования органов власти есть форма самоорганизации территориальных общностей, но еще раз подчеркнем: только в том случае, если эта форма возникла в ходе естественного процесса самоорганизации, а не навязана искусственно.

Согласно Ст.12 Конституции Российской Федерации, местное самоуправление в рамках своей компетенции самостоятельно, и его органы не входят в структуру органов государственной власти. Сегодня избранный глава администрации независим от органов государственной власти, он подотчетен только населению, его избравшему. Но механизма контроля за его деятельностью со стороны местного сообщества нет. Представительный орган такую функцию осуществлять не может, ибо председательствует на его заседаниях, как правило, тот же глава администрации. Следовательно, он и определяет характер всей деятельности муниципалитета. Далеко не все жители муниципальных образований разбираются в этих тонкостях, но интуитивно чувствуют беспомощность представительного органа и в выборах депутатов, как показано на примере Новосибирска, участвовать отказываются. Огромное значение приобретает субъективный фактор — личностные особенности главы администрации: его политические взгляды, деловые качества, моральный облик. Персонал администрации находится в полном ведении главы и подбирается им “под себя”. Таким образом, социальная система, каковой является муниципальное образование, может оказываться под угрозой утраты своей идентичности.

В ходе нашего исследования [1] мы попытались определить, обладает ли территориальная общность каким-то механизмом защиты в ходе выборов. Речь идет не о механической конструкции, а о спонтанной регуляции социального процесса. В частности, нас интересовало влияние таких факторов, как пол, возраст, образование, социальный статус на избирательный процесс, т.е. реакция биосоциальных признаков на возможное посягательство на системную целостность и идентичность социума.

На вопрос, заданный новосибирцам, “Всегда ли Вы участвуете в выборах, проводимых в нашей стране, области, городе?” 43% респондентов ответили: “всегда”, 42% — “иногда”,

а 13% — “никогда”. В зависимости от пола респондентов (мужская группа опрошенных и женская приблизительно равны по численности) ответы существенно разнятся. Среди мужчин: всегда голосуют 40%, иногда — 44%, никогда — 15%. Среди женщин: всегда голосуют 45%, иногда 42%, никогда — 13%. Женщины, как видим, более активны в электоральном поведении, чем мужчины. Этот факт не случаен, как может показаться на первый взгляд. Согласно статистическим данным соотношение мужчин и женщин в Новосибирске, как, впрочем, и во всей стране, не равнозначно. Женщин значительно больше, причем с возрастом это соотношение сильно меняется в пользу женщин. Если в возрастной группе 18-29 лет мужчины составляют 49%, а женщины — 51%, то уже в возрастной группе 30-59 лет мужчины составляют 46%, а женщины — 54%. Весьма драматично выглядит соотношение мужчин и женщин в возрастной группе 60 лет и старше. Здесь уже мужчин 35%, а женщин — 65%, то есть женщин практически в два раза больше, чем мужчин. А поскольку женщины более активны и их больше, чем мужчин, причем в тех возрастных категориях, которые традиционно более законопослушны и дисциплинированы, то можно сделать вывод: кого женщины предпочтут, тот и будет избран. Более того, можно предположить, что ныне действующие руководители — это выбор наших женщин.

Каковы же политические ориентации женщин, являющихся доминантной силой в избирательном процессе? Если в самом общем виде выразить пути возрождения России, избранные основными политическими силами, и определить мнение женщин относительно этих путей, то окажется:

1. За восстановление экономики на основе капиталистического развития с учетом национальных интересов и на национальной основе: 56% респонденток — за и скорее за, чем против; 28 — против и скорее против, чем за.

2. За развитие по капиталистическому пути с опорой на поддержку и по модели западных стран: 35% — за и скорее за, чем против; 49 — против и скорее против, чем за.

3. За возрождение социалистических принципов хозяйствования, но с регулируемым рынком и равноправием всех форм собственности: 39% —за и скорее за, чем против; 44 — против и скорее против, чем за.

4. За полное восстановление советских принципов хозяйствования: 26% — за и скорее за, чем против; 56 — против и скорее против, чем за.

Таким образом, мы видим, что женщины, с одной стороны, патриотичны, а с другой, осторожны и практичны. Во-первых, большинство женщин хорошо понимает, что возврата к прошлому, в принципе, быть не может, в то же время они не против сохранения всего лучшего, что было при социализме. Речь идет, прежде всего, о социальных гарантиях, которые мы потеряли. Во-вторых, иллюзорность надежды на Запад и, тем более стать страной Запада, для большинства женщин очевидна. Перспектива России, по их мнению, это капиталистическое развитие с государственно-регулируемой экономикой, равноправием всех форм собственности и гарантиями для всех слоев населения. Я бы сказал, что это типичная позиция социал-демократии, которой в явно выраженной форме у нас пока нет.

Но, более детально анализируя политические пристрастия женщин, можно увидеть некоторые разительные противоречия. Если эти четыре пути идентифицировать с конкретной личностью, например, национальный капитализм — с Путиным, опору на Запад — с Явлинским, социализм с равноправием всех форм собственности — с Зюгановым, возврат к прошлому — с Анпиловым, то наибольшую поддержку получают пути, за которыми стоят Путин и Зюганов. Но, и в этом парадокс, когда мы предлагаем женщинам выразить свои симпатии по отношению к конкретным политическим деятелям, то оказывается, что самой симпатичной фигурой для многих новосибирских женщин оказывается Явлинский. Получается так, что его политический курс отвергается, а сам он принимается. В этом особенность женского электората — способность как бы отделить взгляды политического деятеля от всей его личности. Конечно, это характерно далеко не для всех женщин, но на большом массиве это прослеживается однозначно.

Говоря о факторах, обусловливающих политические ориентации женщин, нельзя не сказать и о такой чрезвычайно важной, на наш взгляд особенности, как практичность. Как уже было сказано, женщины, предъявляя требования к кандидату на высокий пост, не оставляют без внимания такое его качество, как внешность, умение преподнести самого себя, но не только. На первое место они все же ставят знание дела, на второе — опыт, на третье — образованность, на четвертое — безупречную репутацию, на пятое — решительность, на шестое — постоянство и на седьмое — открытость взглядов, откровенность.

Теперь рассмотрим влияние возраста избирателей на участие в голосовании. Как видно из табл. 1, с увеличением возраста избирателей их избирательная активность возрастает, однако, не до предела. Лица в возрасте старше 60-ти лет, а к ним относятся и те, кому за семьдесят, часто в силу слабости своего здоровья и, может быть, утраты интереса к политической жизни, не столь активны, как избиратели помоложе. Многие из

них испытывают разочарование в жизни от того, что все их идеалы отвергнуты, сами они в нищете, все, что создано их поколением (материальные ценности) присвоено теми людьми, которые в этом созидании никакого участи не принимали.

Наибольший абсентеизм наблюдается среди молодежи. По данным нашего опроса, только одна треть молодежи участвует в голосовании всегда. А две трети голосуют либо время от времени, либо вообще не голосуют. Это данные 2001 г. По имеющимся у нас данным за 1993 год [2] участие в выборах в Новосибирской области принимало всего 10-12% молодых людей в возрасте до тридцати лет. Избирательная активность молодежи в последние годы, как видно, возросла. Однако является ли это позитивным моментом? Мы уже отметили, что женщинам свойственна обстоятельность при принятии решения о голосовании за того или иного кандидата. Молодежь, хотя в ее состав входят и девушки, имеет совершенно иной психологический склад. Если для пожилых людей характерно занижение оценки своего материального положения, то для молодежи — наоборот, свойственно его приукрашивать. Назвать себя

Таблица 1

Зависимость участия в голосовании от возраста избирателей (в %)

Возраст избирателей

Участие в выборах

Всегда

Иногда

Никогда

18-30 лет

34

43

23

31-40 лет

46

45

9

41-60 лет

58

39

3

Старше 60 лет

50

42

8

бедным мало кто решается. Ибо здесь тотчас же возникает вопрос о способностях, интеллекте, адаптивности. Признать свою слабость и неумелость может лишь тот, кто уже не надеется ни на что. Среди проблем, которые в наибольшей степени беспокоят молодежь на первом месте стоят деньги, на втором — учеба, дальше идут работа, жилье и здоровье. Все же свое материальное положение молодежь оценивает значительно выше, чем все городское население в среднем. Забегая несколько вперед, отметим, что в Новосибирске только 1% респондентов оценивает материальное положение своей семьи как очень хорошее, 6% — как хорошее, 50% — как среднее, 33% — как плохое и 6% — как очень плохое. Отвечая на вопрос о своем материальном положении 30% молодых людей назвали его хорошим и очень хорошим, 50% — средним, 18% — плохим и 2% — очень плохим. Как видим, ситуация не так уж плоха, особенно на общем фоне. Очевидно, родители делают все возможное, чтобы оградить своих детей от материальных трудностей. Чем старше респонденты, тем хуже оценивается материальное положение. Возможно, в этом есть и объективный смысл. Среди “челноков”, торговцев на вещевом рынке, предпринимателей разного рода большинство составляют молодые люди в возрасте до тридцати лет.

Несмотря на то, что материальное положение молодежи более или менее благополучно (по сравнению с пожилыми людьми), степень социального оптимизма, социальное самочувствие многих молодых людей оставляет желать лучшего. Неуверенность в завтрашнем дне, тревога за свое будущее — все это вызывает у молодежи состояние фрустрации. Только 43% сказали, что они в нынешних условиях решились бы создать семьи. Существенно отличаются от взрослых ценностные ориентации молодежи. Большинство стремится занять солидное место в обществе, удачно жениться (выйти замуж), стать богатым, уехать на Запад. Работать во имя интересов общества хотели бы только 3%. То, чему воспитывали советских людей на протяжении десятилетий, быстро утратило свою ценность. Молодежь настроена более модернистски, чем старое поколение.

Образование респондентов так же относится к числу регулирующих факторов. Среди лиц, имеющих незаконченное среднее образование, голосуют 31%, среднее — 32%,

среднее специальное — 38%, высшее и незаконченное высшее — 52%. Чем выше образование, тем выше электоральная активность. Еще более наглядно выглядит эта картина, если взглянуть на нее с точки зрения тех, кто не голосует. Никогда не голосует 8% лиц с высшим и незаконченным высшим образование, 14% — со средним специальным образованием, 21% — со средним и 25% — с незаконченным средним образованием.

Мы уже сделали вывод, что наиболее высокий абсентеизм среди молодежи. Но молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, как правило, более образована, чем самое старшее поколение. Следовательно, высокий скачок абсентеизма среди малообразованной части населения приходится не столько на молодежь, сколько на другие возрастные категории. Таким образом, уровень образования как фактор, влияющий на электоральное поведение, не вызывает никакого сомнения. Влияние этого фактора станет более понятным, если его сопоставить с таким фактором, как принадлежность к определенной социальной категории. Все наши респонденты разбиваются на две большие, приблизительно равные группы: работающие и неработающие. Данные об их отношении к голосованию на выборах представлены в табл. 2.

Таким образом, из всех социальных категорий, представленных в выборке, наиболее активное участие в выборах местных органов власти принимают домохозяйки, пенсионеры, служащие с высшим образованием и представители интеллигенции (образование, наука, здравоохранение, культура). Среди всех этих категорий больше половины всегда участвуют в выборах. Выше всего абсентеизм среди студентов и предпринимателей. Среди них третья часть никогда не голосует. Любопытный парадокс: студенты — наиболее пассивная часть избирателей, а лица с высшим образованием — наиболее активная. Но

Таблица 2

Отношение к участию в выборах в зависимости от
принадлежности к той или иной социальной категории (в %)

Социальные категории

Участие в выборах

Всегда

Иногда

Никогда

Работающие:

Рабочие (рядовой работник)

36

53

10

Инженерно-технический работники

40

50

10

Представители интеллигенции (образование, здравоохранение, культура, наука)

51

38

11

Служащие с высшим образованием

53

41

6

Руководители организации (подразделения)

45

48

7

Предприниматели

43

29

29

Неработающие:

Пенсионеры

55

38

6

Домохозяйки (в “декретном”) отпуске

60

30

10

Студенты, учащиеся

27

38

35

Безработные

43

29

28

студенты через определенный отрезок времени становятся этими лицами с высшим образованием. То есть из самых пассивных превращаются в самых активных. Видимо, процесс ресоциализации бывших студентов в новых социальных условиях, постепенное нарастание ответственности за самого себя, свою семью, свое дело приводят к иному

восприятию власти и своего места в политическом процессе. Но доля студентов и предпринимателей в общем составе населения — небольшая. Основную часть работающего населения индустриального города составляют рабочие, другие категории рядовых работников, приравниваемых к рабочим, и инженерно-технические работники. Среди них, как видим из табл. 2, примерно две трети всегда или часто отказываются от голосования. Их абсентеизм, на наш взгляд, связан с материальным положением.

Весьма показательной является зависимость электоральной активности от продолжительности проживания в городе. По данным нашего исследования, уроженцы Новосибирска составляют менее 40% респондентов. Но все же разница между теми, кто живет в городе больше двадцати лет и теми, кто живет менее одного года есть и она, с точки зрения электорального поведения весьма существенна. Более того, нам удалось установить определенную закономерность: чем больше человек живет на одном месте, тем он активнее как избиратель. Достаточно сказать, что голосуют всегда 29% тех, кто проживает в Новосибирске менее одного года, 33% — от одного до пяти лет, 34% — от шести до 10 лет, 42% — от одиннадцати до двадцати лет, 60% — больше двадцати лет и 43% — всю жизнь. Сразу поясним, почему среди проживающих в городе всю жизнь голосующих всегда всего 43%. Потому, что это далеко не всегда люди пожилого возраста. Наоборот, среди тех, кто живет в Новосибирске всю жизнь больше всего молодежи. А молодежь, как мы уже знаем, наиболее пассивна в электоральном отношении. Очевидно, сказывается и психология тех, кто недавно переехал на новое место, остающихся равнодушными к местным органам власти, да и к федеральным, ибо миграция часто бывает вынужденной, а виновными в этом случае по традиции считаются власти предержащие. Кроме того, среди вновь прибывших много студентов. Они весьма пассивны. В любом случае, сделанный мной вывод, касающийся возрастания электоральной активности по мере увеличения срока проживания в конкретном населенном пункте, представляется весьма убедительным. Для большей жесткости вывода замечу, что никогда не голосуют 3% тех, кто живет в городе больше двадцати лет, 5% тех, кто живет от одиннадцати до двадцати лет, 17%, тех, кто живет от шести до десяти лет и 39% тех, кто живет меньше одного года.

Таким образом, мы рассмотрели влияние целого ряда факторов на электоральное поведение. Очевидно, это влияние носит не случайный характер, а объективно обусловлено особенностями различных категорий избирателей. Действительно пол, возраст, образование, социальный статус, продолжительность жизни на одном месте являются социально-демографическими признаками, позволяющими осуществлять типологизацию населения. Тот факт, что эти признаки влияют, а иногда и обуславливают электоральное поведение, говорит о том, что они характеризуют не только внешнее сходство, но и создают некую внутреннюю связь, некое родство, которое не может не учитываться в ходе проведения избирательной кампании. А это значит, что степень управляемости электоральным поведением имеет ряд существенных ограничений. Эти ограничения обусловлены целым набором факторов. Они объективны,

не поддаются “переделке” в ходе PR-кампаний. К числу названных выше факторов следует отнести и ментальность. В данном случае мы говорим о специфичности характера людей, который складывался в течение столетий, и который преодолеть в ходе организованной кампании, нельзя. Все это — продукт социального регулирования, осуществляющегося на бессознательном уровне.

Объективность действия указанных факторов можно проиллюстрировать на примере молодежи с ее электоральной пассивностью. Молодое поколение, как известно, характеризуется неустойчивостью своих взглядов, своей идеологии. Оно осваивает ментальность, присущую обществу, по мере своей социализации. Скажем здесь и ментальность, и социализация — продукт социальной самоорганизации. То есть молодежь — это та социальная категория, которая находится еще в стадии формирования своего мировоззрения. Поэтому молодежь — уязвимая часть общества с точки зрения воздействия на нее со стороны политтехнологий. Тот факт, что большая часть молодежи уклоняется от участи в избирательном процессе, говорит о том, что общество обладает неким защитным механизмом, который посредством самоорганизации как бы выводит из игры наиболее шаткую, легко поддающуюся ангажированию, часть общества. То же самое касается и наименее образованных и вновь прибывших в данную местность. И те, и другие, и третьи не являются носителями интересов данной территориальной общности, их активное участие в избирательном процессе было бы опасным для этих интересов и, как видим, некая “невидимая рука” выводит их из процесса принятия важного решения. Разумеется, речь идет не о всех, а об основной, так называемой критической массе, которая, проявив активность, могла бы внести существенные коррективы в итоги голосования. Но этого не происходит.

Таким образом, мы, подражая А.Смиту и говоря о “невидимой руке”, отнюдь не имеем в виду некую мистическую силу. Избирательный процесс связан с внутренними пертурбациями системы, которая, стремясь к сохранению своей устойчивости, находит механизмы, обеспечивающие эту устойчивость. Трудно на рациональном уровне объяснить действие этих механизмов. То, с чем мы сталкиваемся в избирательном процессе, нельзя объяснить, пользуясь терминологией из арсенала механики. Это, скорее всего, то, что психологи называют коллективным бессознательным.

---

[1] Опрос проведен в ноябре 2001 г. Региональным информационно-аналитическим центром СибАГС (руководитель исследования А.В.Новокрещёнов). Опрошено 700 человек в г. Новосибирске по репрезентативной выборке.

[2] Вавилина Н.Д., Виноградов С.Б., Вольский А.Н. и др. Социальный мир молодежи. Новосибирск: изд-во СОРАН, 1999. С.98.